

Все вокруг начали хихикать и бормотать себе кучу непонятной тарабарщины, но я смутно слышу слова "мама, дети" и "приехали" среди их разнообразных высказываний.

Я заметил, что у каждого живого человека вокруг меня есть эти тревожно счастливые взгляды на их лицах, как будто они кучка одурманенных хиппи, идущих на бесплатный живой концерт Pink Floyd. Они с широкой улыбкой смотрят на свои морщинистые вверх и вниз, а также на немигающие пары глаз, которые направлены только в направлении, лежащем перед ними. Они выглядят как зомби, когда двигаются с горбатыми вперед головами, заставляя их спины превращаться в необычную дуговую форму. Они даже не смотрели на меня - нет, они не смотрели ни на кого другого во всем мире, кроме того, что казалось их целью.

Зал шумел вместе с многочисленными звуками шагов, в то время как члены "Плюрал Хайтс" мчались по направлению к разбитому эскалатору. Почти по волшебству эскалатор, который не работал всего несколько секунд назад, снова начал функционировать, когда кто-то, наконец, наступил на него.

Почти безжизненные, странно не мигающие и вечно улыбающиеся члены группы Plural Heights продолжали подниматься на каждый эскалатор с каждого этажа, пока не достигли шестого и последнего уровня торгового центра. На протяжении всего их путешествия я оставался позади них с бороздчатыми бровями и болезненной гримасой на лице. Затем группа наконец-то начала идти к входу в единственный работающий кинотеатр торгового центра настолько сердечно и организовано, что их можно было рассматривать как группу людей, действующих как рабочих муравьев, возвращающихся на свой холм.

Весь кинотеатр выглядит точно так же, как выглядел бы каждый кинотеатр торгового центра: мягкие, дешевые и не впечатляющие плакаты, повсюду выложенные плакатами, несколько сопровождающих, и табличка над открытой дверью, на которой написано: "Мать приехала". Сначала я думала, что это какое-то название фильма, но когда я увидела, что на плакате того, что они показывают в кино, есть лицо Вероники, я поняла тогда и там, что это будет какой-нибудь разговор или семинар. Очевидно, что Вероника будет в центре сцены.

Так как я был последним в длинной очереди людей, которые идут в этот кинотеатр одиноких торговых центров, я также был последним, кто заметил, что Джимми был внутри кинотеатра, рядом с дверью, говоря людям войти внутрь соответственно и сесть на каждое свободное место. Затем он неоднократно говорил всем не оставлять неиспользованными ни одного места и не резервировать место для опоздавших. Когда я, наконец, вошел через его линию зрения, глаза Джимми сияли невероятным свечением, как он проводил меня к моему специально предназначенный стул на самом фронте рядом с ним. Джимми сказал мне, что места зарезервированы для него и его членов форума, таким образом, так как я также был теперь частью его сообщества, он сказал мне сидеть с ними.

Когда я приехал, я увидел знакомые лица всех членов форума Джимми, конечно же, милая Николь тоже будет сидеть там со своей прекрасной и сияющей улыбкой, которая растопит все ожесточенные сердца всех ледяных джентльменов. Когда я посмотрел на них вниз, Николь повернула голову в нашу сторону и постучала пустым местом прямо рядом с ней. Джимми медленно толкнул меня к ней, и Николь потянула мою руку в ее сторону, заставив меня

немного споткнуться и почти заставив сидеть рядом с ней. Джимми затем сел на правую сторону, как я смотрел на Николь в недоумении, который улыбается с благоговейным взглядом на левой руке.

Через некоторое время я заметил, что начинаю теряться в безупречном и бледном лице Николь, когда мой взгляд внезапно устремился к ее розовым и сочным губам, от которых любой мужчина в считанные секунды пускает слюни. Мой непосредственный транс остановился, когда мое окружение внезапно вспыхнуло громким ликованием и аплодисментами, исходившими от всех восторженных членов клуба, сидящих позади меня. Большинство из них даже стояли, прыгали, бесконтрольно плакали или стояли на коленях, плотно переплетая пальцы. Тем не менее, все они смотрели на настоящую звезду, стоящую в самом центре сцены.

И в самом деле, ничто другое в этой комнате не имело значения, кроме нее, Матери, Вероники.

"Как вы, дети мои?"

Кричит!

Крики!

Кричит!

Вопиющая и ошеломляющая реакция, которая чуть не заставила меня подумать, что я случайно попал на встречу фанатов "Одного направления".

Каждый живой человек в этой комнате начал хлопать и кричать так, как будто само его живое существо зависит от лучшей реакции среди всех его товарищей по комнате. Это, несомненно, заставило Веронику почувствовать себя не просто довольной - она выглядела довольно экстаичной, почти тронутой их невероятной реакцией. Тем не менее, из того, насколько спокойно она выглядит сейчас, было видно, что она делала это много, много раз до этого.

"Я хочу, чтобы вы все повторили за мной: "Я сильная!"

Все вокруг меня, включая Джимми и Николь, повторяли то, что только что сказала Вероника.

"Я свободен!"

Опять же, все люди, молодые или старые, повторяли эти слова, как будто это была единственная поддержка, в которой когда-либо нуждалось их тело.

"Я - это я!"

К этому моменту я уже получила памятку, и мне не хотелось чувствовать себя какой-то странной, поэтому я начала повторять эти слова под моим дыханием с патетически смущенным выражением, нарисованным по всему моему беспокойному лицу.

"Ладно, эта длинная. Ты готов?" Вероника произнесла с немного большим энтузиазмом, чем раньше, когда она наклонила свое тело вперед с ожидающим взглядом. Сказав эти слова, она протянула руки к зрителям, чтобы направить на нас микрофон.

"Да, мама!" Все вокруг меня говорили в разной степени волнения.

"Да... наверное?" Я сказала с неловким усмешкой, когда начала играть руками, в то время как мои глаза бесцельно бродили вокруг меня.

"Очень хорошо, дети, очень, очень хорошо! Плюс! А теперь, я хочу, чтобы вы сказали: "Я осуждаю моего нынешнего бога". Я отвергаю СМИ. Я избегаю правительства! А теперь скажите это со мной!"

Вероника еще раз произнесла эти три предложения, но на этот раз члены аудитории произнесли эти же предложения вместе с Вероникой.

"Я осуждаю моего нынешнего бога. Я отвергаю СМИ. Я избегаю правительства!" Они все закричали, когда голос Вероники зазвонил во всех громких и огромных ораторах.

"А теперь повторите эти слова так, как я говорил вам в прошлом месяце!" Вероника сказала перед тем, как снова направить микрофон на аудиторию.

"Фаракха, Шарвхаза, дезе!"

"Точно! Фараха, я осуждаю моего нынешнего бога; Шарваза, я отвергаю СМИ; дезе, я избегаю правительства!" Вероника говорила так, как будто она учительница, которая рада, что ее ученики делают домашнее задание. "А теперь повторите это в хоре!"

"Фаракха, Шарвхаза, дезе!" Зрители повторяли с большим энтузиазмом, хлопая или топчя ногами, возбужденные или злые.

"Религия - это беспорядок, и это яд! Скажи это со мной, "яд"!"

Все они охотно подчинялись чувству гнева в своих тонах, заставляя театр немного трястись от громкого топотения и эхо-крика.

"Ты отличная толпа, Лос-Анджелес!" Мама сказала с красивой улыбкой, оштукатуренной по всему лицу, за которой следовала чудесно звучащая хихикающая хихикающая, которая еще раз

продемонстрировала ее глубокий, но все же женственно-звучащий голос.

Вдруг, когда я устремил глаза на Веронику, я восхищался ее песочными часами в форме под знакомым красным платьем. Я почувствовал, как рука кружится вокруг моих рук, как кипящая змея, готовая перекусить. Это было от Николь. По какой-то причине она вдруг стала вести себя со мной так мило, что голова оказалась у меня на плече. Не то, чтобы я возражал, но это все еще заставляло мое сердце биться так громко, что я не знаю, что делать. Я хотел подпрыгнуть, но это может отключить Николь и заставить ее отнять у меня голову и руки! Боже мой, она так вкусно пахнет; я могу едва уловить тонкий цитрусовый аромат ее духов, от которого мне хочется съесть ее буквально, просто пожирая ее тело, как обжора. Боже, быть женщиной так охуенно просто, чувак. Ей просто нужно прижать мои руки и потереть ее крошечное мягкое лицо о мою кожу, и мой член уже идет так охуенно сильно, что я, наверное, мог бы поклясться, что должна быть какая-то скрытая бомба, заложенная на моих штанах, готовая взорваться, если эта женщина будет продолжать бить мои смертельные триггеры, как это. Николь продолжала мягко тереть мои руки, в то время как ее другие руки тихо сидели на моих ногах, заставляя меня чувствовать ее горячими и влажными руками.

В тот момент Вероника все еще говорит какую-то радикальную херню, из-за которой все теряют свое дерьмо. Тем не менее, когда я отодвинул голову назад из-за удовольствия, которое я получаю от этой прекрасной женщины, я начал терять все свои слуховые ощущения и отдал предпочтение этой белой женщине, которая заставляет меня проливать столько предрассудков, что это почти сводит меня с ума. Я наклонила голову еще дальше, и мои глаза стали покраснеть, и из глаз внезапно вылилась слюна, когда внезапно ослепительный свет пролился на меня, почти ослепив. Я вздрогнул, закрыв лицо руками, когда я понял, что прожектор был направлен прямо на мое рогатое лицо. В этот момент Николь все еще хватает меня за руки, но она больше не пытается заставить меня сломать орех, перемещая руки по всей моей коже.

"Я уже произнесла его имя, и я уверена, что все вы знаете, кто он. Давайте больше не будем терять время и поприветствуем нашего нового члена. Дети мои, я хочу, чтобы вы показали ему, как замечательно быть частью семьи Плюрал Хайтс!"

Все, кто находится в моем непосредственном окружении, стали взъерошивать мне голову, хлопывать по плечам и подходить ко мне с единственной целью - возбудить меня. Это работает, но, черт возьми, это уже слишком!

"Почему бы тебе не подняться сюда, сынок?" Вероника сказала, указывая на меня, жестикулируя, чтобы я встал с ней на сцену. "Почему бы тебе не сопроводить его сюда, брат Джеймс!" Вероника громко кричала, не пользуясь микрофоном, когда манила Джимми встать.

Джимми с радостью выполнил ее просьбу, взволнованно посмотрев ему в лицо. Затем он поднял мое тело и заставил меня подойти к сцене по лестнице с дальней стороны. Джимми обернул руки вокруг моих плеч, когда прошептал мне на ухо много слов, чтобы ободрить и возбудить меня. Тем не менее, никому не удалось пройти через мою голову из-за всех шумов, исходящих из всех случайных направлений. Они все кричали, кричали, плакали, рычали, рычали, скрежет, стычка! Все остальное, что можно было использовать, чтобы описать неуправляемую толпу людей, которые слишком взволнованы для никого, как я, только потому,

что могущественная дама, как Вероника произнесла мое имя на некоторое время.

Когда мы с Джимми вышли на сцену, Джимми начал размахивать толпой с невозмутимым взглядом, когда он изо всех сил пытался их всех поднять, направляя на меня свои руки. Вероника заметила это и сразу же подошла к самой передней части сцены с плотными руками, держа за микрофон.

"Отдайте его брату Джеймсу, дети мои! Давайте!" Вероника заревела, когда я увидел, как пот постепенно капает на ее лоб, в то время как я видел, что ее красное платье, наконец, запятнано потом, хорошо лежащим на ее груди. Она не давала два дерьма на то, что хорошо увлажнение пятна на ее нежной коже, однако. Когда толпа вдруг начала называть имя Джимми со всеми восторженными похвалами в мире, Вероника снова почувствовала себя омолодленной, как будто она только что стала на три года моложе. "Точно! Точно, да! Лучшее из лучшего, что когда-либо можно было найти в Организации, леди и джентльмены!" Вероника сказала, указывая на Джимми, не обращая внимания на пот, накапливающийся у нее на лице, так как она говорила о Джимми, как о каком-то высококачественном продукте.

Джимми совсем не возражал против этого. На самом деле, это возбуждало его еще больше, так как он затянул свою хватку за мое плечо, все еще пытаясь направить все внимание толпы на меня. Тем не менее, все остальные, особенно дамы, все называли его имя с протянутыми вперед руками, как будто это заставляло их волшебным образом прикасаться к Джимми в воздухе.

Теперь, когда я нахожусь здесь, перед сценой, я, наконец, понял масштабы, в которых работает Вероника. Все выглядят такими счастливыми, но они также выглядят, как будто они какие-то дикие звери внутри исправительного учреждения. Если бы не врожденные человеческие приличия, которые в них задерживаются, они бы уже бросились на всех троих, чтобы оставить след от укуса на нашей шкуре. Их голоса бумовали, вот почему вокруг нас много ораторов. Если бы они удалили хотя бы один из них, я уверен, что любому из нас было бы довольно трудно услышать, что говорит Вероника. Твердые прожекторы, направленные на сцену, настолько ослепительны, что буквально начали раздражать мои глаза, в то время как жара, исходящая от таких суровых огней, была достаточной, чтобы растопить мою кожу. Таким образом, теперь я очень хорошо понимаю, почему Вероника так сильно потеет, хотя она и не стояла здесь полчаса. Благодаря ее энтузиазму и количеству движений, которые она делает на этой огромной сцене, нет ничего удивительного в том, что это заставило бы кого-нибудь вспотеть ведро. Кроме того, Вероника носит то, что кажется 6-дюймовыми каблуками, когда она прошла по всей сцене, чтобы захватить больше энтузиазма со всего кинотеатра.

Это было абсолютно захватывающе.

Так вот какой мир ведет Вероника.

Это то, что сделало такую удивительную женщину; это то, кем она стремится стать для всех нас.

Абсолютное пробуждение первозданной силы, исходящей из нашей души, вот как она это называет. Я, наконец, поняла это теперь, когда я стою здесь перед всеми взволнованными людьми, которые с радостью проживут свою жизнь в полной мере.

Тогда Вероника жестикулировала мне подойти к ней пальцами. Затем Джимми слегка подтолкнул меня к ней, прежде чем произнести: "Ты можешь это сделать". Я верю в тебя!"

Затем я неловко наткнулся на Веронику, что вызвало несколько смех у зрителей. Глядя на мрачное выражение Вероники после того, как она увидела такие отзвы своих детей, она начала смотреть на всех их с презрительным выражением лица. И в этот раз все в кинотеатре содрогнулись, как будто их сознание внезапно пришло в упадок. В кинотеатре нет больших экранов, на которых было бы видно лицо Вероники, но почему-то каждое живое существо, молодое или старое, в этом зале, даже те, кто сидел сзади, видели внезапный гнев, прокрадывающийся в лицо Вероники.

После минуты молчания Вероника, наконец, снова заговорила: "Ты так обращаешься со своим братом?".

По всему кинотеатру наступила тишина, когда я увидел, как купольные дамы в зале начинают рвать от жалких взглядов на их лицах.

"Так ли это, что Плюрал Хайтс помогал тебе на протяжении всего того времени, что ты провел с нами, находясь в этой любящей и заботливой семье?" Вероника прошептала мстительный тон, странным образом наполненный любящей заботой, которая пронизывала каждый слог, который она произносила. Она произнесла эти сердечные слова, двигая руками вокруг себя, чтобы сказать, что она зовет всех людей, которые только что смеялись надо мной.

"Все в порядке, Вероника. Это не оскорбило меня." Я пыталась сказать с больной улыбкой, когда смеялась глазами на земле.

"Ты слышала это? Твои бесчувственные уши слышали, что только что сказал этот человек? Он сказал, что готов быть твоим маленьким бьющим мешочком. Нет! Это не нормально! В этом доме мы не смеемся над такими маленькими людьми, как мой ребенок! НЕТ! Я не потерплю такого поведения!" Вероника сказала, все еще глядя на зрителей во время тяжелого дыхания, пытаясь скрыть кипящий гнев, пробегающий по ее венам. "Этот человек видел смерть! Этот джентльмен, стоящий прямо передо мной, только что видел, как в том же месяце, в этом месяце, умирают ее мать и ее друг". Затем она положила свою руку мне на плечо, плотно обернув руки вокруг меня, заставив меня почувствовать дрожь ее рук. "Человек, на которого вы сейчас смотрите, увидел достаточно трагедии, и я здесь, чтобы протянуть ему руку так же, как я сделал это со всеми вами; что вы сделали взамен? Ты смеялась над ним". Она сделала паузу, когда скребла зубами, крепко зажав губы. "ТЫ СМЕЯЛАСЬ НАД НИМ! Каждый из вас смеялся над скорбящим человеком. Вы смеялись над человеком за то, что он неуклюжий - ну, конечно, он будет неуклюжим, его жизнь перевернулась прямо у него на глазах! Как вы можете этого не понимать?" Вероника произнесла каждое только что сказанное слово с таким количеством сердечных убеждений, но никто из присутствующих даже не задумывался о том, что ее жестокие тона источают насильственный замысел. "Я разочарован вашим поведением".

Качая головой, она сказала, что любовь, пронизывающая ее голос, наконец-то коснулась сердец ее детей.

И комната снова укоренилась в оглушительной тишине, которая казалась вечной.

"Извинитесь", - сказала Вероника, но на этот раз, вместо гнева, она дрожит, потому что она изо всех сил старается не плакать. "Все вы. Сейчас."

Все зрители начали смотреть на меня мольбами глаз, печальными голосами и печальными печальями. Все они говорили разные слова, но все они указывали на одно: все они хотят извиниться передо мной - неважно, смеялись они или нет. Они все равно извинились.

"Ты прощаешь их, сын мой?" Она сказала перед тем, как отвести микрофон на несколько сантиметров от моих губ.

Я смотрел на людей из зала, которые все смотрели на меня со слезами. Тем временем Вероника наклонила свое тело ко мне, поставив голову в нескольких дюймах от моего лица, не моргая глазами, заставляя меня слышать и чувствовать ее тяжелое дыхание.

"Да", я просто робко произнесла.

Вероника затем повернула свое тело к зрителям, кивая нон-стоп с впечатляющим взглядом на ее лице. Люди в зале внезапно начали хлопать без своего обычного рева. Они все просто хлопали мне с намерением отпраздновать момент, когда я их простил. Когда Вероника услышала это, она начала бормотать в микрофон: "Точно. Точно. Вот это настоящая храбрость в действии. Только настоящие сильные люди знают, как прощать. Точно."

Все хлопали еще громче, несколько человек кричали: "Уууу!"

"Позволь мне спросить тебя, дитя", - сказала Вероника, с ее глазами, направленными прямо ко мне. "У тебя все еще есть силы простить всех этих людей, которые обидели тебя, даже зная все те трагедии, которые случились с тобой".

Я не очень понимал, что трагедия, о которой она говорила, связана с тем, что я прощаю их, но я просто ответил, чтобы покончить с этим, "конечно".

"Тогда, ты можешь согласиться, что твоя сила осталась даже после смерти тех людей, которых ты любил?"

"Да".

"Вот так, леди и джентльмены", - сказала Вероника с убеждением настоящего лидера. "Человек

сам произнес правду! Даже без любви, сила все равно может процветать для сильных людей! Это только показывает, что, поскольку вы смеялись над ним, вы все еще слабы, и ваша душа все еще не в состоянии быть пробужденным до своего максимального состояния! Дети, это потому, что вы всё ещё позволяете окружающим вас монстрам отравлять ваш разум! Ваша семья, ваши друзья, ваши средства массовой информации, ваша религия, ваше правительство - все это токсичные вещи, которые вы продолжаете кусать, как бы я ни просил вас больше никогда этого не делать! Если я смогу умолять каждого из вас прямо сейчас бросить все эти вещи раз и навсегда, я сделаю это в мгновение ока! ПРЯМО СЕЙЧАС!" Вероника вздохнула с угрюмым взглядом, ползая по лицу, когда плечи медленно опускались. "Но у нас мало времени, так что позвольте мне сказать вам это, дамы и господа! Бросьте токсичность вашего дома. Избегайте яда, который извергают вам друзья! Они все лжецы, которые манипулируют тобой, потому что ты можешь предложить им свою жизнь в качестве рабов социальных норм! Ваш брат, который стоит перед вами в этот самый момент, является доказательством того, что вам не нужно, чтобы ваши друзья и ваша семья были сильными! Мы ничего у тебя не попросим, мы даже не просим тебя заплатить нам, помнишь?"

Затем зрители начали хлопать выражениями, которые только показали, насколько они доверяют всему, что сказала Вероника, как абсолютную истину.

"Мы твоя семья". Затем она пошевелила левой рукой вокруг себя. "Множественные высоты в твоей подруге. Мы можем дать тебе все, что твоя семья и друзья ДОЛЖНЫ дать тебе, не требуя ничего взамен, но твоя абсолютная преданность нашему делу! Ты согласна, дитя мое?" Вероника сказала перед тем, как поставить свой микрофон передо мной.

"Да..." Я робко произнесла слабым голосом, глядя на бархатный пол сцены.

"Громче". Она тонко сказала микрофону, глядя на меня расширенными и немигающими глазами.

"Да", - сказала я с гораздо большей уверенностью, закрыв глаза, опустив голову.

"Я сказал, громче, чёрт возьми!" Вероника сказала с топором, заставляя ее каблучки эхо на весь зал.

"Да!" Я кричала глазами по всей аудитории, которая смотрела на меня с предвкушением. Затем я взял микрофон у Вероники и поднял кулак высоко в воздух. "Да, я согласен! Согласен!" Я закричала в микрофон; он получил такую поддержку толпы, что все снова начали сходить с ума.

Я начал смотреть на этот изысканный пейзаж с возбужденным взглядом на лице, когда пытался успокоить свою быстро бьющуюся грудь.

"Очень хорошо, мой мальчик", - сказала мне Вероника, а не микрофон. "Почему бы тебе не пойти за кулисы ненадолго? У меня есть кое-что для тебя там." Затем она толкнула меня за кулисы, и когда я вышел со сцены, я услышал, как все постоянно кричали мое имя, как будто я

какая-то огромная кинозвезда.

Затем Джимми подошел ко мне и сказал, куда я должен идти, но он не пошел со мной. Он сказал, что должен увидеть это событие до самого конца. То, что я увидел тогда за кулисами, это коридор, который ведет к красной двойной двери.

"Фарака, Шарваза, дезе!" Я услышал крики зрителей, когда с глотком посмотрел на тускло освещенный коридор.

Я прошла по этому металлическому коридору, чувствуя холод, касаясь моей обнаженной кожи, когда моя нога ударилась о металлический пол, заставляя меня слышать ужасный звук, как подошва моей обуви ударяется о металлический пол. Я заметил, что пол, стены и потолок сделаны из нержавеющей стали, что делает окружающую обстановку похожей на длинный и широкий свод.

"Фаракха, Шарвхаза, дезе!" Я слышал, как однажды зрители кричали так громко, что чувствовал, как их голоса заставляют дрожать весь коридор.

Когда я, наконец, оказался перед двойной дверью, я сразу же распахнул ее, потому что уже хотел выбраться из сырого воздуха в этом коридоре.

То, что приветствовало меня внутри - это комната, очевидно.

Спальня.

В середине комнаты стояла Николь в полупрозрачном платье.

"Ты здесь". Она сказала сладким голосом. Затем она медленно сняла платье, обнажив сладострастную грудь, густой цветок и незапятнанную белую кожу. "Я хочу тебя".

Нужно ли говорить, что после всего того волнения, которое я почувствовал ранее, я трахнул ее. Найти авторизованные романы в Webnovel, более быстрые обновления, лучший опыт, пожалуйста, нажмите www.webnovel.com для посещения.

Я выебал из неё живое дерьмо.

<http://tl.rulate.ru/book/35095/1010458>